

Алексей Мартыненко

ТАЙНЫЕ МАРШРУТЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ПРОТИВО СТОЯНИЕ

Алексей Мартыненко

**Тайные маршруты Древней Руси.
Ушкуйники урочища Обираловка**

Издательство "Руда"

2012

Мартыненко А. А.

Тайные маршруты Древней Руси. Ушкуйники урочища Обираловка
/ А. А. Мартыненко — Издательство "Руда", 2012

ISBN 978-5-901838-73-4

География нашей страны в не столь и далеком прошлом сильно отличалась от нынешней. Виной тому таяние ледников так называемой Гипербореи — страны холода и мрака. Что и лежит в основе первопричины полного несоответствия известной нам истории о нашей стране с действительными событиями, некогда разыгрывавшимися на нашей нынешней территории проживания, некогда скрытой под ледниками, затем пресными морями и озерами, затем болотами. И лишь к нашим временам ставшими полноценной частью суши, покрытой лесами. Но именно в скрытые от нашей памяти времена и существовали те кажущиеся теперь сказочными водные артерии, позволяющие русским купцам развозить товары от Китая до Португалии и от Господина Великого Новгорода до Багдада. Иерусалима и даже далекой Индии. Параллельно с легальными путями товарообмена существовали и нелегальные контрабандные артерии. И их наличие, что удивительно, и сегодня прекрасно читается в названиях рек, населенных пунктов и урочищ главного узла по переправке товаров из Китая в Западную Европу — Москвы и Подмосковья. Естественно, нашим древним государством после обнаружения наличия товаров, обошедших таможеню, производились активные попытки эти артерии ушкуйников-контрабандистов раз и навсегда перекрыть. Таково назначение, например, как Змиевых валов, так и Великой китайской стены. Потому контрабанда, встретив серьезное сопротивление, со временем, находит иные более безопасные способы пересечь границы — копает глубокие подземелья. О них и их обитателях и пойдет речь. Издание второе, исправленное, дополненное.

ISBN 978-5-901838-73-4

© Мартыненко А. А., 2012
© Издательство "Руда", 2012

Содержание

Книга 1. Тайные маршруты Древней Руси	7
Часть 1. «Из варяг в греки»	8
Что такое «Греция»	8
Винляндия – страна колдунов	12
Что такое портвейн	21
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Алексей Мартыненко

Тайные маршруты Древней Руси

География нашей страны в не столь и далеком прошлом сильно отличалась от нынешней. Виной тому таяние ледников так называемой Гипербореи – страны холода и мрака. Что и лежит в основе первопричины полного несоответствия известной нам истории о нашей стране с действительными событиями, некогда разыгрывающимися на нашей нынешней территории проживания, некогда скрытой под ледниками, затем пресными морями и озерами, затем болотами. И лишь к нашим временам ставшими полноценной частью суши, покрытой лесами. Но именно в скрытые от нашей памяти времена и существовали те кажущиеся теперь сказочными водные артерии, позволяющие русским купцам развозить товары от Китая до Португалии и от Господина Великого Новгорода до Багдада, Иерусалима и даже далекой Индии.

Параллельно с легальными путями товарообмена существовали и нелегальные контрабандные артерии. И их наличие, что удивительно, и сегодня прекрасно читается в названиях рек, населенных пунктов и урочищ главного узла по переправке товаров из Китая в Западную Европу – Москвы и Подмосковья.

Естественно, нашим древним государством после обнаружения наличия товаров, обшедших таможеню, производились активные попытки эти артерии ушкуйников-контрабандистов раз и навсегда перекрыть. Таково назначение, например, как Змиевых валов, так и Великой китайской стены. Потому контрабанда, встретив серьезное сопротивление, со временем, находит иные более безопасные способы пересечь границы – копает глубокие подземелья. О них и их обитателях и пойдет речь.

Книга 1. Тайные маршруты Древней Руси

Представьте себе лужайку после весеннего ливня. Что на ее поверхности будет бросаться в глаза в самую еще первую очередь?

Лужи. На поверхности же земли, когда сошла вода после Всемирного потопа, эти лужи представляли собой многочисленные в основном пресноводные в ту пору моря. Затем, после каких-либо катаклизмов – землетрясений, извержений вулканов, схода селей, а также постоянного растачивания этих плотин перетоком из них вод многочисленных сливающихся в эти резервуары рек, – поверхность планеты сильно менялась. В некоторых местах просто до неузнаваемости: массы скопившейся в морях воды прорывали устроенные им природой запруды и вырывались на простор океанов и внешних морей, промывая гигантских размеров котловины. Благо было куда течь – уровень мирового океана, вследствие сохраняющихся в ту пору в качестве льда огромных масс воды, был на 100–130 м ниже нынешнего. Затем прибывающая от таяния ледников вода скрывала эти следы, выравнивая уровни водоемов и затапливая древние города. Такие котловины, выбросившие некогда содержимое морей в океан, то есть представляющие собой что-то вроде единовременно прорванных плотин, именуются сегодня проливами.

Потому первые еще самые древние географы обрисовывают вовсе не территорию нынешних Греции и Рима, Египта и Черноморского бассейна, где якобы, по их мнению, и возникли очаги древнейшей цивилизации. Но лишь ту часть суши, где в те времена и имел возможность обитать человек – Ближний Восток.

Спрашивается: почему человек мог проживать в ту пору лишь там?

За горами Тавра, то есть практически по южной границе современной Турции, в ту еще пору залегали льды таинственной ледяной страны – Гипербореи. А нынешняя территория Египта на три четверти находилась под водой.

Но где же обитали в ту пору, когда наши нынешние территории проживания еще были покрыты многокилометровой толщей льда, русские люди?

Теперь известно где – в городе поклонения Русскому Богу – Ие Руса лиме (см.: [198], [200], [261]). Там, следовательно, и находилась та еще былинная, то есть задрапированная сегодня под наименования «летописей XI–XIV вв.» наша загадочная страна Русь, создание которой русским человеком уходит в начало обитания на земле человека, прибывшего в нынешний мир, после потопления предыдущего, на ковчеге *си суть Руса* (Ноя).

Часть 1. «Из варяг в греки»

Что такое «Греция»

Торговый путь «из варяг в греки» известен нам со страниц официальной истории, преподанной нам немцами, а затем и еще более онемеченной марксистами. Он представляет собой полную копию устройства России по образцу «регулярного государства» масона Лейбница, чьи доктрины обязывали безапелляционному принуждению: птичек петь (весело и непринужденно), а ручейку журчать безостановочно и нежно (улаживая слух путника в пустыне, создаваемой большевиками на 1/6 части суши на планете Земля). И проделывать эту свою по-каторжному принудительную работу ручейку, например, вменялось исключительно безмятежно и жизнерадостно. В противном случае и его, как, впрочем, и птичек все из той же «оперы», заслушание, ждало осуждение комиссарами, свирепо наблюдающими «за добрым порядком». То есть всебезприменнейшая экзекуция, колодки и лагерные бахилы. А затем и «веселое» путешествие в места «не столь отдаленные» – чуть ли ни на курорт: на южное побережье (Северного Ледовитого океана) под прицелами науськанных на русский дух русских людей собак и конвоиров. Эту почти осуществившуюся мечту Петра Первого следует записать в актив все тех же темных сил, связывающих немецких масонов-мечтателей Лейбница-Вольфа и Петра-Ленина – воплощений на русской почве идей своих немецких заказчиков, кропотливо приготовивших свое приворотное зелье в средневековых ретортах алхимических лабораторий Западной Европы.

Они-то и поведали нам странные истории о неких головотяпах, грамотных, что самое удивительное, в те далекие времена практически поголовно, весьма странным образом усадивших себе на шею западных совершенно по тем временам безграмотных «просветителей» и якобы позволивших-де лупцевать себя этому пришлому инородному элементу в полное ему, элементу этому, удовольствие. Мало того, безвольно превращать себя в рабов и нести на своем горбу иго и бремя этих варваров, прибывших из своих диких западных аулов в *страну* благоухающих цветущих *городов*.

Такие вот несуслазницы, после захвата власти в нашей стране разбираемыми нами силами, оказались сегодня в наличии историй по нашей истории.

Все это мы проходили, пытаясь, по мере испытываемых тяги к советского образца «знаниям», впитать в себя весь предназначенный для наших мозгов яд.

Однако ж время лечит: на сегодняшний день ни одна из навешиваемых на нас версий фальсификаторов не оказалась увязана с теми событиями, которые в те далекие времена происходили в действительности.

Теперь разберем: что же в ту пору в мире и в нашей стране в частности происходило на самом деле.

Сначала о пути, который, как выясняется, уходил на юг вовсе не от скандинавов или немцев, как нами всецело впитано, но от русских же людей, в те времена проживающих в Западной Европе и именуемых нами *варягами*.

Но этот путь, как становится очевидным, и своим конечным пунктом назначения имел вовсе не инородные нам страны, но территории, где некогда проживали русские же люди.

Итак, мнение современных лингвистов:

«Возможно, что и в слове *грек* тот же праславянский корень *гър*» [40] (с. 76).

Очень возможно, потому как ни о каких эллинах в расшифровке семантики этого термина нет и малого намека. Зато к нашему языку он имеет отношение самое, что ни есть, прямое:

ГРЕКИ – энергия главенствующей речи.

И той самой речи, которая в те времена была употребляема: от Уссури (Руссы) и Амура (Румы) до славянской страны Лузитании; и от Русского Севера (одной из пятин Господина Великого Новгорода) до в ту пору Малой России (Малой Азии), русской Палестины (былинной Святой Руси), Скифополя и Самой Ра – Самарии, а, возможно, и много южнее: Сама Лии – Сомали и африканского города, что напротив величайшей вершины Африки – Килиманджаро, с не слишком-то и африканским названием – Аруша.

Но имеются ли исторические свидетельства о пребывании наших пращуров на территории, столь отдаленной теперь от нашей нынешней страны проживания?

Да сколько угодно. Вот, например, что сообщают мусульманские писатели древности:

«О существовании славян в X веке в Африке свидетельствуют исторические факты, так напр. под 927–929 Абуль-Феда рассказывает, что славянин Сариб прибыл в Африку с 30-ю военными кораблями. Еще ранее, в 923, прибыл из Африки славянин Масуд и взял замок Сант-Агафа, а в следующих годах рассказывается еще о трех походах этого Масуда из Африки» [234] (с. 51).

Так что свидетельства о пребывании славян в южных странах имеются. И даже в Африке. Причем достаточно свежие. Еще X век фиксирует необыкновенную осведомленность наших мореходов во всех тонкостях водных маршрутов этой теперь столь далекой от нас страны.

Само же название города у высочайшей вершины Африки, что отмечено чуть ранее, является лишь мусульманским видоизменением нашей Руси. У арабских писателей о нашей древней стране частенько проскакивает:

«...Аль-Русия вместо Арусия...» [236] (с. 31).

То есть Аль-Руса, главный город славян в Африке, как произносится на мусульманский манер, – это вполне закономерное в их произношении видоизменение. И именно в таком виде этот исконно наш топоним и красуется сегодня на всех картах мира – Аруша.

Но и промежуточные этапы нашего исхода с крайнего юга на крайний север зафиксированы историческим материалом:

«Ибо из показания Баладури (Белазори) и Якуби нам известно про славян, живших в Сирии в VIII веке» [236] (с. 22).

А вот какая фраза проскакивает еще в самом зачатке изобретений о нас исторических мифологем из уст Татищева, в те еще времена пока не осознанная изобретателями о нас историй по истории, а потому не вымаранная исторической цензурой. Фраза эта сегодня просто шокирует:

«Россию полуночные народы называли **Грециею**...» [113] (Гл. 32).

Рассказ об экономическом устройстве Древней Руси начнем с организации обмена товарами в том еще Древнем мире, о котором экскурсоводы по истории и понятия никакого не дают.

Начиная с VI в. до Р.Х., ушедшие из Ассирии десять колен Израилевых расселились в тех районах земли, где люди ранее никогда не жили.

Почему не жили?

Там, судя по всему, после Потопа долгое время залегал осевший на поверхности земли ледяной панцирь. Он образовался в течение достаточно длительного времени, когда уровень мирового океана превышал 4 км 200 м. То есть высоту сегодняшнего местонахождения Ноева ковчега. Эта страна мрака и являлась той таинственной Гипербореей, лежащей на севере от гор Тавра (юг Малой Азии).

А таинственная страна эта, постоянно подтаивая, ежегодно отодвигалась все севернее. И уже в середине I тысячелетия до Р.Х. вот что писали об этой стране мрака древнейшие географы:

«По Геккею (Стефан Византийский, 599 до н.э.), веет с Рифейских гор борея, и вечные снега покрывают их (?)» [216] (с. 141).

Вопрос поставил Егор Классен. В его времена, когда истерия отрицателей географии, указываемой древними, была в самом разгаре, упоминание о стране холода и мрака в самом центре Русской равнины являлось делом не понятным, а потому не принятым.

Но стоило просто обозначить возможные последствия Всемирного потопа, как объяснение этой загадки всплывает само собой. Так что чем современнее географы, тем Гиперборея далее отодвинута на север. И наоборот:

«Гиппократ говорит, что Рифейские горы составляют северную границу Скифии. Мела и Плиний полагают эти горы (*Ripaes juga*) на севере, между Азией и Европой. – Известно, что Дон считается границей между Европой и Азией, но как шла линия Дона на север, для продолжения этих границ, того неизвестно...» (там же).

Мало известно о том, как проходила эта граница и на востоке. Но очевидно по этому поводу лишь одно: путь на Дальний Восток был впервые и проложен десятью Израилевыми коленами. Но лишь в тот самый момент, когда Рифейские горы, в очередной раз отступив севернее, открыли проход на ту часть суши, куда после Потопа нога человека еще не ступала.

А ведь израильтянам, ушедшим из своего 70-летнего пленения в Средней Азии (Средней России) ассирийцами (русскими: Ассур=Русса), для их окончательного возврата на дорогу Правды, требовалось пожить вдали от туземного населения Палестины. Это жизненно в тот момент требовалось им, чтобы укрепиться в вере, которую они не соблюдали у себя дома – в земле, Израилю (а не великодушно оставленным ими в живых туземцам этой местности [см.: [198]]) обетованной. Но никаких приبلудных, как хананеев, так и аморреев, мало того – маовитян и аммонитян, что и вполне естественно, при них оказаться в момент этих странствий на Дальний Восток не могло. И в этом можно быть совершенно уверенными, потому как известно: *вошь – она тепло любит...* В Сибири же слишком для всех этих природных паразитов даже и теперь, когда льды растаяли не только в тундре, но и на северном полюсе, уж слишком холодно. В те же времена путешествие в царство льда являлось единственным шансом хоть на некоторое время избавиться от этих пиявок, присосавшихся к белому человеку в теплом климате Палестины.

И именно с тех пор и остались по всей Сибири воздвигнутые проходящими здесь Коленами сонмища, которые вплоть до наших дней сохранили около себя лишь по несколько домов. В этих маленьких поселениях, судя по всему, все это время, до самого прихода советской власти, жили священники, поддерживающие в этих церквях службы. А также их семьи. И именно по этой причине находящиеся здесь церкви, до Рождества Христова – сонмища, столь удивительнейшим образом сохранились до самого прихода к власти в России большевиков. А сохранить могло эти древние сооружения в удивительной целостности лишь то обстоятельство, что в них все это время ни на миг не прекращались церковные службы.

Но пришли наши древние сонмища в негодность лишь тогда, когда настала здесь мерзость запустения. Причем большевиками, дабы истребить в нашем народе и саму память о древности этих реликтов, в самую первую очередь уничтожались именно они.

Итак, для поддержания пошатнувшейся веры (забытое сегодня всеми ветхозаветное вероисповедание Бога Отца – Русы [от этого вероисповедания дошел до наших дней только Псалтирь]), сменив благодатные края Ближнего Востока на суровые условия Севера, ушедшие в скитания на земли незаселенной части Евразии 10 колен Израилевых начинают возвращаться. Однако же, ко временам Иисуса Христа, из Колен, ушедших некогда на северо-восток,

имеются сведения о возвращении на свою прежнюю территорию и компактном обособленном там проживании лишь единственного колена – Гада. И тут нет ничего особенного – равнины вернулись к своему идолищу: огненному яйцу Авро на горе Наво. Но и Ермон, именуемый ими Сионом, также манил и манит к себе этих ваалопоклонников (исповедников веры б-га нечистот и нечистой силы – Ваал-Пеора).

Также явно прослеживается, что задержались с приходом в страну нынешнего проживания евреев, ту еще Древнюю Европу, степелюбивые колена Дана, Рувима и Манассии. Часть из них, судя по всему, переселилась сначала на территорию Древней Европы. То есть на азиатские земли, лежащие на западе от Евфрата и в земли Северо-Восточной Африки. Остальные остались в степных областях от Причерноморья до Монголии. Обосновались на Японских островах перебравшиеся в страну восходящего солнца израильтяне палестинской Самарии: колена Ефрема и полуколена Манассии. Именно они затем прославятся в качестве загадочного воинственного племени *самураев*, которое покорит пришлое многочисленное монголоидное население этих островов, а затем и само в этой массе растворится.

В Древнюю Европу (слово Европа на ст. сл. значит: *возвращение евреев*) заселились на тот день правильно славящие Слово Славой колена: Левии; галлы Лии – Завулونا и Иссахара; галлы, рожденные служанками, – ерманы (в прошлом жители горы Ермон) колен Асира и Неффалима. Им степи Азии для проживания не слишком подходили. Потому они расселились там, где на тот момент климат располагал для занятий земледелием. И это в ту пору было действительно так – величайшая гора Африки, Килиманджаро, в переводе означает: *гора, которая сверкает*.

А вот еще про какую-то гору Атлас, и тоже в Африке, упоминает Плиний:

«Вершина горы даже летом покрыта глубокими снегами» [292] (гл. 1, аб. 14).

Сегодня же снежного покрова не осталось не только на иных горах Африки, но и на самой из них высокой – почти шеститысячнике – Килиманджаро (5 895 м). Но снег в Африке много ранее, например две тысячи лет назад, был явлением вполне обычным. А потому Плиний сообщает, что:

«...разлив Нила зависит от выпадения снегов...» [292] (гл. 1, аб. 51).

Это в очередной раз подтверждает, что климат здесь ранее был куда как много прохладнее, нежели теперь. Но кто-то из колен Израилевых, вернувшихся с Дальнего Востока, судя по археологическим находкам, из числа колен Лии, то есть славян (см.: [198]), уже с V в. до Р.Х. переселяется в нынешнюю часть Европы.

И так как навыки допотопной цивилизации никем из вышеперечисленных народов, образованных из Израилевых колен, утеряны еще не были, то тут же и завязывается та удивительная для нас теперь система сообщения, которая была впоследствии поименована торговым путем «из варяг в греки». И хоть Запад мы теперь считаем чужим, но в ту пору он был еще свой. Там проживали такие же, как и мы, – *русские люди*. То есть те очень немногие из людей планеты, которые не променяли своего Русу на исповедуемого всем иным населением земли повелителя нечистот – Ваала (Бела=Яхве).

Некоторый процент чистокровных славян и сегодня проживает в Западной Европе. Это сегодня вычислено генетиками:

«Доля **R1a1** на Британских островах минимальна, часто от нуля до 4%. На севере Шотландии до четверти. На севере в Скандинавии – около 20%, и градиентом на повышение – на восток, вплоть до **трех четвертей в России**...» [185] (с. 10).

Так что ранее бытовавшая теория заселения Европы теперь только подтверждается, на что совершенно четко указывает присутствие практически у всех ее народов некоторого количества славянской крови.

И чтобы понять: откуда, куда и чего требовалось поставлять тому древнему купеческому сословию – попытаемся определить, что являлось предметом острого дефицита по тем древним временам.

Винляндия – страна колдунов

Начнем с наших уже нынешних русских территорий. Вот какие контуры бытовавшего ранее товарообмена мы обнаруживаем:

«В 1187 г. Фридрих II дал русским купцам одинаковые права с готландцами и норманнами, чтобы они приезжали торговать в Любек безпошлинно. Urkund. Gesch. 11, 9» [265] (с. 199).

А вообще в период средневековья:

«...с новгородцами и псковичами производили торговлю следующие города: Бремен, Визби, Любек, Шлезвиг, Дерпт, Рига, Ревель, Выборг, Вильнев, Сральзунд, Стокгольм, Мюнстер, Росток, Унна, Дортмунд, Дюизбург, Ейнбек, Кельн, Дудерштат, Брауншвейг и Магдебург (Русские торговали также со Швецией и Норвегией)» [265] (с. 200).

Но и в дальнейшем отношение к нам ведущих морских держав Европы вовсе не изменилось:

«В сер. XVI в. русские предприниматели получили право безпошлинной торговли с Англией (она шла Беломорским путем), имели в Лондоне несколько зданий для своих нужд...

Важнейшим перевалочным центром на этом пути была Вологда, куда всю зиму свозились товары из Москвы, Ярославля, Костромы и других городов, а затем по воде отправлялись в Архангельск, откуда, в свою очередь, осенью приходили товары для отправки в Москву санным путем» [72] (с. 459).

И именно вниз по течению Сухоны и Северной Двины направляли свои тяжело груженные суда русские купцы по весне. И исключительно в мае месяце, когда ветер обычно переменчив, имелась возможность вырваться из Баренцева моря на просторы Норвежского, где попутный ветер подхватывал наши суда и помогал без проблем, преодолевая встречное течение Гольфстрима, добираться до Британских островов. Для обратного же пути в Архангельск и иные порты Белого моря прекрасным подспорьем был сам Гольфстрим. Против же течения Северной Двины корабли шли из Архангельска до Великого Устюга на парусах. И такое было исполнить достаточно не сложно – роза ветров в здешних широтах имеет подавляющее преобладание северных ветров. И лишь достигнув Сухоны и повернув на запад, приходилось бы изрядно подналечь на весла. Потому товары сгружали с судов в Великом Устюге. Зимой санным путем они доставлялись в Нижний Новгород, Ярославль, Кострому, Рязань, Владимир и Москву.

И лишь при помощи майского переменчивого ветра и можно было еще ранней весной подать порожняковые корабли из Великого Устюга в Вологду. Заполнившись товарами, суда шли вниз по течению Сухоны, а затем и Северной Двины.

Второй вариант: подъем кораблей при помощи преобладающих здесь в летнее время года северных ветров в верховья Онеги в Каргополь, откуда товары по русскому Северо-западу развозились зимой на санях.

Вторым вариантом являлся проход по системе местных речушек и озер, включая и небольшой десятикилометровый волок, в речку Сухона, по которой корабли плыли в Вологду на зимнюю стоянку. Весной вышеописанный путь повторялся.

Однако ж если учесть, что Архангельск появился сравнительно недавно, то здесь выглядит совершенно очевидным и то обстоятельство, что путь на север ранее шел исключительно по Онеге.

Много ранее был и иной более удобный способ доставки товаров в Англию. Проходил он при попутном в землях Карелии, Финляндии и Скандинавии преобладающем в это время

года северо-восточном ветре через порты Белого моря Онегу и Колу, через систему речных сообщений нынешней Финляндии и Ботнический залив. Затем путь на запад нырял в систему рек и озер Швеции в озеро Меларен.

Этот путь, судя по всему, был используем еще в те времена, когда нынешнего Русского Севера еще вообще не существовало – там залежали льды таинственной Гипербореи. Теплый же Гольфстрим от гигантских глыб льда освободил территорию Западной Европы значительно ранее, нежели это произошло с Европой Восточной, а в особенности с северной ее частью.

А ведь связи этого района с речными артериями нашей страны имеют древнейшие подтверждения:

«Сведения о путях сообщения между областью озера Меларен на Скандинавском полуострове и Средним Поволжьем появились, по-видимому, в Средней Швеции еще в эпоху бронзы (к этому времени относятся первые археологические свидетельства о существовании таких связей) и затем передавались из поколения в поколение» [81] (с. 241).

Подход наших кораблей в это озеро производился через речушку, на которой затем возникнет первая столица Швеции, Упсала. Преодолевать течение помогал северо-восточный ветер. И, благодаря нему, без каких-либо проблем наши мореходы подходили к городу, имеющему и сегодня слишком уж русское название, чтобы эту просто вопиющую тождественность как-либо можно было прохлопать ушами. Этот город называется *Вестерос (западный Росс)*. Затем, пользуясь совсем небольшим волоком при перекидке судов из системы одного озера в другое следуя при помощи господствующего здесь северо-восточного ветра, ладьи прибывали к пристани все такого же нашего города венетов, который и сегодня выглядит слишком по-нашему: Венерн. И вновь, как при помощи попутного ветра, так и подхватывающего наши ладьи быстрого течения выносящей воды озера Венерн в Северное море широкой реки, русские купцы продолжали продвижение на запад. И все тот же попутный ветер легко помогал им добраться до Британских островов.

Обратный путь здесь хоть и менее удобен, но, думается, все же мог быть использован проживающими здесь опытными русскими мореходами – венетами. Начало этого пути указывает и сегодня второй по величине город Швеции – Гетеборг, а завершает Стокгольм (шведы произносят название своей столицы несколько по-русски: *сток хольм* – то есть находящийся у *стока* из системы озер и речушек некий такой *холм*). Много ранее, в IX–XII вв., этот город именовался Бирка. И вот что о местном населении в ту пору сообщает нам Адам Бременский:

«Бирка расположена против города склавов Юмне...» [253] (с. 93).

Так что еще к тем временам немецким средневековым автором отмечено присутствие здесь славянского торгового порта. Таким образом, вполне подтверждается версия о нашем присутствии в те времена здесь, а, следовательно, о наших некогда проходящих по Скандинавии речных маршрутах. Безграмотная Европа, причем, в те времена мало что знала не то что о крайних оконечностях тогдашней ойкумены, но и о ближайших землях, расположенных чуть севернее их самих:

«Тем, кто отправляется за острова данов, открывается новый мир, а именно: Свеония и Нордмания – две обширнейшие северные страны, **в мире нашем до сих пор почти не известные**» [253] (с. 94).

И вот по какой причине. Все дело в том, что славян Скандинавии от сухопутных стран Германии, то есть Колен полукровок, спустившихся некогда с Ермона, отделял в те времена более чем серьезный поток реки Океан, несущий свои по тем временам очень объемные воды из Балтики в Северное море и Атлантику, отгораживая наши владения от сухопутных варваров непреодолимым в ту пору препятствием.

А ведь эта река Океан, кстати говоря, аккурат и могла по тем временам являться нашей центральной артерией, связывающей наши многочисленные города с Атлантикой. А указываемый нами путь через Швецию являлся единственно возможным путем в обратную данной

схеме сторону. И так как проходил этот безудержный поток через Неву, то и путь обратно мог существовать исключительно в обход этого мощного в то время потока. Он начинался через Швецию и юг Финляндии. Затем, несколько столетий спустя, когда ото льда освободится север Норвегии и Финляндии, он пройдет уже сквозь норвежский Финмарк и северные реки Финляндии и Карелии через Старую Ладугу. Ту самую в древности единственную каменную крепость Европы, воздвигнутую некогда нашими пращурами на берегу реки Океан, в тогдашнем устье Волхова, которая являлась всегда главным форпостом главного города Европы тех времен – Господина Великого Новгорода.

Но какие топонимы зафиксировали этот наш древний маршрут по этой к сегодняшнему дню давно ставшей нам чуждой территории?

Начинается этот маршрут от острова с более чем русским названием – **Уруст**. А ведь в наших летописях можно встретить полную копию данного топонима:

«...и многу льготу сотвори земле **Рустей**» [170] (с. 284).

Здесь, после путешествия по маленькой речушке, чье устье расположено в районе нынешнего города Уддевалла, хоть и требовался небольшой волок, но путь против течения и преобладающих ветров был значительно короче. Что позволяло без проблем нашим мореплавателям, венецам, попасть в свой город Венерсберг (*Vener s Berg*), а затем и в Западный Росс (Вестерос).

Между тем шведы, причем уже и в эпоху Ивана Грозного, именно на конгломерат когда-то здесь в Скандинавии проживающих народов, как на сводную затем нацию из шведов, готов и русских, указывают следующим своим поименованием народностей, входящих в состав многонациональной Швеции:

«Мы, Густав, Божию милостию, Свейский, Готский и **Венедский** король...» [57] (с. 96).

Однако ж и впоследствии, уже при Борисе Годунове, самодержца этой страны именовали, как:

«...короля шведов, готов и **венедов**...» [241] (с. 102).

В те же практически времена, но уже со слов голландского посланца в Московию Исаака Маассы, вот какие регалии выставили соотечественники шведско-датского принца, которого Годунов прочил в мужья своей дочери Ксении, когда тот внезапно скончался:

«...траурная колесница с гробом, за нею шел адмирал с большим гербом Дании, Норвегии, **Виндии** и Готии» [344] (с. 70).

Еще раз уточним (Подробно см.: [198], [200] и [202]) – какие Израилевы колена в апостольские времена, после принятия ими Христианства, стали именовать – *русскими*.

Святая Русь, истинную информацию о которой на сегодняшний день мы черпаем лишь из былинного нашего народного творчества, некогда находилась на территории Палестины и именовалась в дохристианскую пору Царством Иудейским. Здесь проживали в ту пору в основном те израильтяне, которые не входили в число 10 Израилевых колен, временно переселившихся на север – в Большую Россию, чьи территории, судя по всему, располагались от Атлантики до Тихого океана. Потому и все нами рассматриваемые пути проходили по единой в те времена стране. Несколько особняком от нее находилась и Малая Россия, перекройщиками истории превращенная сегодня в Малую Азию. Здесь же располагались: Десятиградие (со вторым по величине городом Палестины – Скифополем); Наблус (*нав улус = Новгород*), судя по всему древняя столица государства Ефрема (Еврема – евреев) – Израиль; Пётра (*кива [камень] = Киев*); Ие-руса-лим (*дом Бога Русы = Старая Руса = та [тау = гора] Руса*) – древняя столица государства Иудея (Древняя [былинная] Русь). Все проживающие здесь некогда народы, по крайней мере, с V по III в. до Р.Х., имели один язык – старославянский. Все они являлись потомками Сима – *древними семитами*. В их числе и потомки Авраама – представители Колен: Левия, Иуды и Вениамина (Древняя Иудея = Древняя *былинная* Русь). Потомство Левии мы находим в топонимике наименования острова Ютландия (Юта=Иудовград), а потомство Иуды

(колено пророка древности Царя Давида, Иисуса Христа и Богородицы) сначала обнаруживает себя в Киеве (*Петре*), а затем в Мойске (на берегах озера Ильмень), где появляется Новгород (в Палестине *Навлус=Наблус*) и Старая Руса (в Палестине *Ие Руса лим*). Эти города стали густо заселены лишь после переселения в данную местность, то есть на территорию Большой России, населения, до этого компактно проживающего в Малой России, а также на Святой былинной Руси – в Палестине. Эти народы, вроде бы на первый взгляд и разные, являются между собой родственными: отношением к своему единому праотцу – Симу (гаплогруппа R1a1), имеют единое вероисповедание – Христианство, а также являются обладателями этноса, не исковерканного на Вавилонском Столпотворении. Все это вкупе определяет их культовую принадлежность – Православие. То есть *правое* вероисповедание *славян* (что от *Слава* – Псалтирь – книга Бога Русы, написанная русским пророком древности – Царем Святой былинной еще Руси – Давидом [Давыдом]). Потому гонимые ухудшением климатических условий у себя на родине, в Малороссии (Малой Азии), переселившиеся в большом количестве на север от своего бывшего места обитания славяне, свое государство называют Киевской Русью. И лишь много позже, когда Русь объединит теперь новая столица – Москва, к этой *окраине* Руси, Украине, вернется ее прежнее наименование – Малороссия. Этнически же малороссами, судя по всему, являются ассирийцы, эламитяне и мидяне (парфяне) – жители Ассирии, Персии и Мидии, из-за ухудшения климатических условий в Междуречье, где начали высыхать их пресные моря, Хвалынское и Черное, начавшие переселяться в Древнюю Малороссию (Малая Азия и Десятиградие). Что стало возможным после завоевания Древнего Израиля Ассирийской державой в VI в. до Р.Х. Это завоевание сопровождалось выселением «евреев» (10-ти колен Израилевых), будущих европейцев, на реки «Вавилонские» (в будущую Ховарезмию – на побережье Северного моря [будущего Каспийского], некогда омывавшего стены древнего города Средней Азии [Средней России] Хивы). Именно отсюда эти 10 Колен, после 70-летнего пленения ассирийцами, отправятся сначала на Дальний Восток, а затем в Северо-Восточную Африку. Они же, когда и в Африке климат чрезмерно потеплеет, переселятся в Европу.

И на эти же реки Вавилонские, то есть в район Сырдарьи и Амударьи, на те же 70 лет, переселяют теперь вавилоняне покоренных ими жителей Древней Иудеи. Это колена Левии, Вениамина и Иуды. Здесь многие из них, в основном колена Иуды и Левии, не пожелав после завершения своего 70-летнего пленения возвратиться в земли Древней Иудеи, остаются жить вплоть до захвата Средней Азии (Средней России) полчищами Чингисхана.

А вот колено Вениамина оставляет свой след в стороне противоположной – практически по всей Западной Европе. Именуют же их здесь *венетами* или *бенетами* (по-итальянски: Вениамин=Бенито). И их главный город, Венеция, стоит на сваях из сибирских пород дерева: кедра и лиственницы. Мало того, именно нам известные секреты пожаробезопасности при деревянном строительстве и спасали до сих пор этот город от казалось бы вполне естественного уничтожения данным видом стихий за время своего многовекового существования:

«...русские зодчие знали секрет огнеупорных смесей, которыми пропитаны лиственничные сваи Венеции и стены тех же Кижей. Их деревянные храмы не боялись огня, так же как белокаменные стены новых соборов» [181] (с. 9).

Это подтверждением тому, что венеты входили в состав той Великой Руси, которая по тем временам раскинулась на огромнейших пространствах от Атлантики и до Тихого океана. Входили они и в состав Швеции...

А ведь рассмотренные нами Уруст, Весте-рос и Сток-холм находились в центре торговых путей этого огромного государства. Но они представляли собой лишь перевалочные базы. Ведь именно Новгород, Псков и Руса являлись конечными пунктами, куда доставляли свой товар из дальних путешествий русские купцы. В противном случае эти города не были бы так велики, какими застала их эпоха объединения Руси.

Но сможем ли мы доказать, что вовсе не случайно в эпоху Бориса Годунова еще сохранялась и самими шведами в том числе информация о том, что все нами перечисленные топонимы свалились на нынешнюю Швецию вовсе не с Луны?

Да нет здесь, что выясняется, ничего проще. Ведь вот кто в Швеции в нами описываемые времена проживал:

«...из летописей французских бертинианских, у Духесния 4 том 3, с.195... в 839 году: “Феофил, император константинопольский, отправил с оными [с послами к Лудовику Пиусу императору – Татищев] нескольких, которые сказывали, что они и народ их рос называются. Их же царь, Каган [Рос у греков вместо руссы и Руссия выговаривалось. Каган же не имя, но знатность, гл. 16, н. 42, ч. 2, н. 128. – Татищев] именем, к нему [как говорил – Татищев] для дружелюбия отправил, прося в помянутой грамоте, чтоб по императорской милости позволение возвратиться в свое отечество и вспомоществование во всей его империи иметь могли, поскольку они путь, которым к нему в Константинополь прибыли, между грубыми, дикими и весьма безчеловечными народами имели, и не хотел [император константинопольский – Татищев], чтоб они теми ж дорогами возвратились, чтобы оным каково бедство не приключилось. Людвиг же император, причину прибытия их прилежно рассматривая, выяснил доподлинно, что они родом **шведы**”» [113] (Гл. 32).

То есть наши названия городов на нынешней территории Швеции, стоящие на перерезающем ее речном пути, а также самые и теперь крупнейшие готские города, запирающие этот путь, – полностью подтверждаются грамотой теперь еще и Константинопольского императора, встретившего посольство русских людей из Швеции.

Об этом же говорит и:

«...существование области **Рослаген** в Швеции...» [140] (с. 47).

Где окончание, *лаген*, означает сокращенное русское слово *логово*.

Но абсолютно все то же самое наблюдалось в Финляндии и Эстонии:

«Что же, напротив того, учиним нашим же финляндцам и эстляндцам, которые не иначе **шведов** называют, как розалайн [**росалайн** – А.М.], или **росов** народ?» [113, Гл. 32].

Так что и прибалты, как выясняется, более чем четко подтверждают выдвинутую нами версию.

И еще:

«...финны называли шведов **руотси**...» [140] (с. 47).

И все это притом, что:

«...шведы сами себя **руотси** не называли...» [140] (с. 48).

Так что именно мы в совсем недавние эпохи и являлись в данной местности хозяевами:

«Географ Равенский включает в число скифских владений и Скандинавию, говоря: *Magna insula antique Scythia... qaum Jornandes Scanziam appellat.* – Он помещает Великую Скифию... между мурман, финнов, карпов и роксолан – это владения, составляющие одну Новгородскую область. Вероятно, имя Новгорода Великий дало ему повод назвать и полагаемую им тут Скифию Великою» [216] (с. 109–110).

Но кроме как скифами, руотси и розалайн нас еще именовали *норманнами*:

«Лиутпранд же Тичинский, с. 92, 144, пишет: “**Руссов**, которых иным именем **нордма-нами** именуем. И опять, есть некоторый народ, в северной стороне живущий, который по качеству тела греки называют **руссами** [**русыми** – Татищев], а мы от положения места **нордма-нами**, или **северными людьми**, именуем...”» [113] (Гл. 32).

Этих самых *норманнов*:

«...скандинавы называют... **народом с Северной Двины**» [216] (с. 148).

Ну, а уж кто на ней проживал – выискивать с особым пристрастием было бы просто излишне.

А ведь субтропиками, имеющими урожайные земли, является лишь южная от найденного нами пути речного сообщения часть нынешней Швеции. Потому шведы и именовали нас *нордманнами* – *северными людьми*.

А вот и еще очередное свидетельство о нашем некогда пребывании в Скандинавии:

«Григорий Малатинский, с. 108, перечисляя королевства северных народов, между ними и **Русь** полагает» [113] (Гл. 32).

И вот какие особенности находим у этого распространившегося здесь некогда народа:

«...венеды принесли на Балтийское поморье грамотность свою за 2000 лет до Р.Х.» [216] (с. 159).

То есть наше местонахождение в те времена: и финны, и сами шведы, и прибалты – все относят Швеции и северу Швеции. Мало того, сообщается что мы являемся просветителями местных аборигенов, но уж никак не наоборот (что на сегодня нам как раз и внушено). На самом же деле мы всех местных туземных аборигенов именовали всегда достаточно презрительно – чухонцами. И было, кстати говоря, за что. Ведь именно мы, следуя по местным лесным джунглям с юга, то есть из областей, где производится вино, имели возможность присваивать туземцам соответствующие их поведению наименования. И что же?

Финляндия – это лишь слегка измененное от нашего поименования этих папуасцев – Винляндия. И прямо в точку. Ведь не только некогда, в какое-нибудь тысячелетней давности «во время оно», но и на сегодняшний-то день финны являются врожденными алкоголиками. И очень не зря там и по сию пору столь жестоко свирепствует сухой закон, а приезжающие оттуда в Питер туземцы упиваются в нашей северной столице просто до невменяемости. Что наблюдается на протяжении очень не малого количества лет.

Но ведь и в Норвегии имеется провинция Финмарк. Случайно ли?

То есть это говорит именно о том, что, в сравнении с населением здесь русо-славянским, все эти «Винляндии»: что финская, что норвежская – представляли собой всего лишь некие резервации с проживающими на них местными алкоголиками. И когда наши ладьи следовали через эти места, то туземное население этих резерваций, стремясь оказать в доставке вина русским людям услугу, требовало себе за работу вознаграждение в качестве некоторой доли от перевозимого через их территории этого жидкого драгоценного здесь груза. А затем, набрав в свои закрома изрядное количество огненной воды, население Финляндии и Норвегии впадало в безудержное пьянство.

Все то же следует сказать и о шведах:

«Шведов исстари **финнами** называли. В Истории Гиалмара короля, из гробовых надписей на латыни, переведенных Перингскиолдом, 13 в изданном Хиксом 14 в Тезауре языков северных, титул II, с. 147, называется Бинланд, у Снорри и в многих тамошних книгах – Финланд и **Винланд**...» [113] (Гл. 17).

То есть для нас разницы между местными примитивными народностями Скандинавии не было никакой – все они лишь требовали провозимой по их территории *огненной воды*, за что и получили от нас практически одно и то же наименование: *винляндцев*. И даже место торговли в их наречиях осталось нашим:

«У шведов рыночная площадь и сейчас «torg»...» [115] (с. 131).

Но и финны от них в этом вопросе мало чем отстали:

«...город Т у р к у на крайнем юго-западе Финляндии носит имя, которое представляет собой законное видоизменение русского слова “торг”. Т у р к у значит “рынок”, “базар”, “Торжок” [115] (с. 131)».

Кто-то упрекнет нас в умышленном-де спаивании туземного населения здешних дебрей. Но тут, думается, при прохождении через эту «страну колдунов» было не до жиру:

«Финские племена, жившие... на севере России, были во времена Геродота еще настоящими людоедами, причем не гнушались даже поедать тела своих покойных родителей (Обычай

эти у северных инородческих обитателей России сохранились вплоть до Московских царей, которые строго приказывали следить за ними своим воеводам и выводить эти “прелести”)» [54] (с. 38).

Таковы были нравы коренного населения Финляндии, чухонцев, которых именно мы, как оказывается, от людоедства и отвಾದили.

«Что же касается скандинавов, то им, прежде всего, нечем было торговать... Лучшим доказательством бедности страны было то, что скандинавы были вынуждены продавать свою кровь службой у иностранцев в качестве воинов» [140] (с. 67).

Так что, подведем итоги, лишь единицы имеющих у них когда-то древних городов, в сравнении с нашими сотнями, и те – наши. И все потому, что местное примитивное население в городах вовсе не нуждалось. Нам же самим, для успешного прохода караванов судов сквозь глухие дебри выше упомянутых нами Винляндий, эти опорно-торговые пункты были просто жизненно необходимы.

Но почему, все же, львиная доля перевозок приходилась именно на эти страны?

Солидной выдержки вино, то есть самое крепкое из существовавших в те времена видов горячительных напитков, нами поставлялось в районы крайнего севера. В более же ранние эпохи, когда на севере еще лежали льды Гипербореи, – в Сибирь. Где являлось вовсе не баловством, но лишь единственным средством, позволяющем не замерзнуть на лютom морозе нашим промышленникам. И именно о них сообщается, что в стране их проживания, в Сибири, передвижение возможно только на собачьих упряжках. То есть зимой в лютые морозы:

«”Страна Сибур, окруженная Северным морем. Страна эта обильна съестным, но зима там жесточайшая до такой степени, что из-за чрезвычайного количества снега зимой почти никакие животные не могут ходить там, кроме собак: четыре большие собаки тащат сани, в которых может сидеть один человек с необходимой едой и одеждой...” (Протоиерей Лев Лебедев. Москва патриаршая. – М.: Вече, 1995)» [10] (с. 179).

Северным морем, судя по всему, здесь обозначена южная часть Западной Сибири. Льды Гипербореи, залегающие в те времена где-то по Полярному кругу, перекрывали путь сибирских рек в Северный Ледовитый океан. Вода скапливалась и избыток ее через Тургайскую ложбину перетекал в Каспийское море, в ту пору соединенное с Аральским. А уже оттуда избыток воды через Манычскую впадину переправлялся в Азовское море. Так что Сибирь в период средневековья являла собою загадочный северный остров, куда попасть мог лишь тот человек, который этот ранее необитаемый край и покорил.

А вот что сообщает о путешествии в эту таинственную страну Марко Поло. На этот раз путь указывается много более близким – из Монголии. Но, несмотря на это, как считает он, мало кто может на него отважиться и отсюда:

« “Есть такие места, где никакая лошадь не пройдет<... > тут большой лед и трясины, лошади там не пройти. И эта дурная страна длится на тридцать дней”. Лишь в “саниях без колес”, закутанного медвежьей шкурою, везут смелого путешественника собаки “по льду и грязи” “от стоянки к стоянке” в течение 13 дней» [244] (XLV).

И понятно дело, здесь речь идет вовсе не о лесных массивах Сибири, но о каком-то подмерзающем лишь зимой русле гигантской реки, судя по всему, – реки Океан.

Что это за «река» за такая странная?

«Океан у Гомера называется рекой» [279] (гл. 1, аб. 7).

Гомер указывает также:

«... что Океан окружает землю» (там же).

Эта река, судя по всему, талая вода ледника, именуемого Гипербореи. Потому к зиме эта могучая река прекращала свое течение, оголяя илистое дно.

Снег же в данной местности – и сегодня большая редкость. Потому и упоминается о необходимости езды не только по льду, но даже и по грязи, понятно дело, на тот момент все же подмерзшей. Потому даже:

«...Ибн-Батута, один из неутомимейших путешественников XIV в., отказался от задуманной поездки в “страну мрака” “по причине большого количества жизненных потребностей, необходимых для этого, и незначительной пользы”. “Равнина Баргу”, описанная Марко Поло, в которой узнают то Баргузинскую, то Барабинскую степь, представлялась венецианцу настоящей пустыней, пугающей своею дикостью и безлюдьем: “Нет там, знайте, ни мужчины, ни женщины, ни зверя, ни птицы”» [244] (XLIV).

Еще раз уточним местонахождение этой загадочной страны:

«На север от Каракорума и от Алтая, от того места, где... хоронят татарских царей, есть равнина Бангу, тянется она на сорок дней... Летом у них есть дичь и они охотятся на зверей, и на птиц; а зимою от великого холода там не живут ни зверь, ни птица» [313] (с. 239).

И вот свидетельство Марко Поло, подтверждающее наличие в не столь и давние времена на территории Сибири пресноводных морей, образующихся за счет тающих вод ледника:

«Через сорок дней – море-океан, там же горы» [313] (с. 239–240).

То есть здесь речь идет исключительно о том море, которое находилось на территории Восточной Сибири. Вторая часть этого гигантского пресноводного водоема, откуда и перетекала река Океан, располагалась в районе Приленского плато.

И вот как выглядело здесь дно реки Океан, по которой, судя по рассказу Марко Поло, и производилась здесь связь внешнего мира со страной Сибирь, находящейся по другую сторону реки Океан. Вот как он описывает ее русло, судя по всему, являющееся вообще сколько-нибудь проходимым лишь в небольшом отрезке времени осенью, когда ледники таять перестают, а лютые морозы еще не начались.

Здесь есть:

«...такие места, где никакая лошадь не пройдет; это страна, где много озер и ручейков; тут большой лед, трясина и грязь; по всему этому пути, по льду да и по грязи, лошади не могут идти; во все тринадцать дней дорога между двух гор по большой долине, и все тут лед да грязь... и телеги на колесах тут не пройдут» [314] (с. 369).

Телеги потому не пройдут, что в любой момент может выпасть снег. Да и по бездорожью этому, ремонту не подлежащему, судя по всему, колесо будет постоянно проваливаться в ямы и вымоины.

И вот лишь каким образом в данной местности является целесообразным передвижение:

«сделали они сани без колес, проходят они, не увязая, и по льду, и по грязи, и по трясине...» (там же).

«Там есть собаки, величиною с ослов, которые приучены возить сани» [266] (с. 43).

В эти сани:

«...обыкновенно запрягают по шести собак, и куда направляет их проводник, сидящий с купцом в санях, туда и везут они сани даже по воде и грязи без труда» [266] (с. 44).

И именно для подобного рода путешествий, когда в течение двух недель приходилось перемещаться по безжизненной пустыне, просто не обойтись без согревающих в пути напитков. И исключительно для преодоления этого двухнедельного маршрута и осуществлялась поставка в эту глушь напитков, способных обогреть следующего через эту непроходимую иными способами местность путешественника. Ибн-Батута и Марко Поло, судя по всему, на такое путешествие не отважились из-за того, что им столько спиртного за столь непродолжительный отрезок времени, которое необходимо употребить, чтобы не замерзнуть, просто не выпить. А потому здесь мог пройти лишь один из населяющих планету людей – русский. Потому и Сибирь могла быть освоена в ту пору лишь нами (вот какой удивительный род защиты от иноземцев нами был освоен в столь давние времена!).

Но не только для преодоления данного маршрута, а также для использования в подобного рода районах горячительных напитков трудящимися в Сибири промысловиками осуществлялись нами разбираемые поставки сюда вина из южных стран. Вино также требовалось для проведения церковных служб в многочисленных сонмищах, построенных именно здесь именно по той причине, что лишь сюда и не могла ступить в ту пору нога иноверца. Ведь столько спиртного, сколько требуется для путешествия в эту страну (а тем более для ее завоевания) иноземцу просто не выпить – он умрет.

Что подтверждают нам и средневековые авторы:

«...Иоганка сообщает, что в “стране Сибур” живут, проповедуя свою веру, “русские клирики”...» [10] (с. 179).

А вот как выглядело во времена Марко Поло местное население данной местности:

«Жители видны собою и высоки ростом, дородны, но бледны в лице. У них нет ни царей, ни князей...» [266] (с. 44).

То есть сам вид жителей Сибири, которых южанин венецианец именует *бледнолицыми*, исключительно с нашим народом и согласуется. И вино, предназначенное для обогрева в страшный в данной местности шестидесятиградусный мороз, собачьи упряжки везли исключительно к ним.

Но везли, судя по следующей фразе Марко Поло, вовсе не со стороны Монголии, которую отделяла от Сибири труднопроходимое русло реки Океан:

«Великая Россия, скажу вам, граничит с одной стороны с этой областью» [314] (с. 370).

Вот с этой-то стороны, судя по всему, и проходила основная артерия, связывающая Сибирь с Россией. В рассматриваемый же нами период этот путь пролегал через море, в те времена покрывавшее своими водами большую часть Восточной Сибири.

Но имеются ли упоминания в официальных источниках о принадлежности этих земель к России?

Вот что сообщает австрийский посол Иоанн Фабр о Московии в 1528 году в своем послании Австрийскому императору. То есть еще задолго до завоевания Иваном Грозным не только Сибирского царства, но и Казани:

«Империя Великого Князя Московского столь обширна, что пространство, занимаемое ею в Европе, составляет самую малую часть в сравнении с Азиатскими областями ее» [332] (с. 295–296).

Так что Сибирь, о чем свидетельствуют иностранцы, побывавшие в России, была нашей еще в ту далекую пору.

Но вино также было необходимо для сонмищ: и на центральных наших территориях, во владениях Господина Великого Новгорода, и на территориях Скандинавии, где проживало в те времена русское население. Потому часть продукции сгружалась: в шведской, а несколько позже норвежской Винляндиях, откуда груз уже на небольших речных ладьях шел по внутренним территориям этих местностей.

Но все эти кровеносные сосуды, впоследствии, оказались вскрыты и расхищены. Нам же остались лишь древние названия этих земель. Но именно по ним теперь и удастся проследить тот давнишний путь, который помогал нашим пращурам поддерживать церковные службы своему Богу, Русе, проводимые в наших древних сонмищах на просто огромнейших территориях: от православной в древности Ирландии и вплоть до далекой Чукотки! А потому, со временем, путь «из варяг в греки» деформировался в исключительно северный наш с Западом товарообмен – через порты Беломорья.

Что такое портвейн

Теперь о втором куда как более протяженном пути, также проходящем все через те же территории, некогда являющиеся ключом к нашим морским путям сообщения.

Для осмысления целесообразности его возникновения следует обратить внимание на тот район, который находился в самом центре этого пути. А находился этот центр на русском Северо-западе в районе триумвирата Новгородской республики: Русы, Пскова и Новгорода.

А ведь эта страна, что самое важное, уже самой природой всегда была прекрасно защищена от неожиданного вторжения неприятеля. Потому именно здесь и возник вышеозначенный триумвират:

«Географическое положение Древней Руси исключало внезапный приход флотилии норманнов, как это часто случалось в Западной Европе – во Франции, Англии и, даже, в далекой Италии, где образовались норманнские владения» [132] (с. 11).

Защищены же были наши города мегаполисы: болотами, реками и порогами равнинных рек, не пропускавших чужие океанские суда вглубь наших территорий. Потому внезапное нападение врага на земли нашего Новгородского триумвирата исключалось полностью. Единственно же возможный путь вторжения через Волхов прикрывала самая древняя каменная крепость Европы – Старая Ладога.

А ведь владения этой административной единицы, включая только что перечисленные города и порты северного пути сообщения Руси, простирались на восток не иначе как аж до самой Чукотки, где новгородцы и господствовали безраздельно. Они же собирали с аборигенов данной местности и ясак. Это сообщает нам о том, что представители туземного населения Сибири искони считались подданными Новгородской республики. И на ее необозримых просторах лишь система давно отлаженных сообщений способна была связать наши раскинувшиеся по огромным просторам небольшие поселки с древними деревянными церквями, обнаруженными Барановским вплоть аж до Аляски:

«Есть основания полагать, – сообщает архитектор-рестовратор П.Б. Барановский углубленно исследовавший за свою долгую жизнь Русский Север на предмет изучения происхождения нашей культуры зодчества деревянных церквей, – что деревянное шатровое зодчество утвердилось на Руси еще в дохристианскую пору... Возможно, этим объясняется вращение в новую, культуру христианскую, культуры старых типов архитектурных сооружений. Изображение шатровых церквей встречается в глубокой древности... На севере “шатры” были распространены повсеместно – от Кольского полуострова до Аляски...

После крещения Руси в 988 году архитектурные сооружения, где помещались языческие жертвенники, очевидно, не всегда уничтожались. Ведь это было неразумно и расточительно, если учесть трудности всякого строительства в ту пору. Достаточно было уничтожить самих идолов, освятить помещение и поставить на нем символ новой веры – крест» [27].

А ведь в пресловутую «дохристианскую» пору вера наших пращуров именовалась Русской. То есть Верой в Бога Русу. Удивляет?

Годом же крещения сибиряков, коренных русских жителей Сибири, мог быть вовсе не год на самом деле перекрещивания Руси князем Владимиром (см.: [214]), но значительно раньший период крещения в Христианство русских людей. Крещения еще в Древней былинной Руси, что находилась некогда в Палестине. Причем сделано это было или Иоанном Крестителем (что у нас из памяти вообще изъято), или Андреем Первозванным (о чем пусть и устная память, но прекрасно сохранилась).

Именовались же вдоль нашего древнего пути до недавней поры прекрасно сохранившиеся эти культовые здания, которые Барановский, в силу устоявшегося тогда научного мнения, считал языческими, – *сонмищами*. И очень возможно, что их сооружение было начато еще в

тот древний период, когда колена Израилевы, уйдя из ассирийского плена, селятся на территориях нынешней Японии, Китая и нашего Дальнего Востока.

Для каких же целей этот столь длинный путь продолжал оставаться в употреблении со времен ухода отсюда большинства Израилевых колен сначала в Древнюю, а затем и в нынешнюю Европу? Перевозками какого товара мог быть столь основательно задействован этот огромный древний маршрут?

Об этом чуть позже. Сначала о путях нашего южного и западного товарообмена.

Не только в Англии и Сибири, но и на юге, в Константинополе, мы имели преимущества беспошлинной торговли, а, значит, какими-то своими лишь у нас и производимыми товарами были столь выгодны этому от нас далекому городу.

Такие же преимущества имели мы и в фактории Ганзы – на Готланде. А, значит, и страны Центральной Европы, в каких-то уж слишком дефицитных наших товарах, были также крайне заинтересованы.

И это отнюдь не меха – ведь у них слишком жарко – пальмы в Лондоне растут, юг Швеции и Норвегии – субтропики! Это не деготь и не железо, не древесина и не мед – это не сырье вообще, но уже какая-то законченная очень необходимая Западу продукция. Какая?

Сейчас определим. Что в нашей северной не ласковой стране растет лучше, чем в теплой и благодатной Европе?

Хлеб?

В Европе, в сравнении с нашим холодным Северо-западом, на него урожаи в четыре раза выше.

Но и в Азии он много дешевле нашего. Вот что сообщает о его цене Петр Петрей – посланник шведского короля в Московии:

«Сарацинское пшено дешево: бочку его можно купить иногда за два с половиной талера, иногда же дороже и дешевле, смотря по случаю. Его привозят водою по Каспийскому морю из Мидии, Персии и Армении» [243] (с. 202).

А вот что сообщает иной иностранец, побывавший в те же времена, смутные, между прочим, в России, Жорж Маржерет:

«...хлеб, которого очень много... не вывозят из страны» [249] (с. 148).

И смысл взимаемой на этот товар нами пошлины лишь в том, чтобы не дать импорту подчистую разорить своего внутреннего производителя зерна. Ведь лишь по этой причине нами давно усвоено:

Хлеб – драгоценность: им не сори!

Потому имеются средневековые известия о ввозе германского хлеба в Новгород. А ведь там его урожайность в четыре раза выше, чем у нас.

Но и не только из Германии:

«В Россию из Болгарии делали подвоз хлеба в XI веке» [265] (с. 196).

То есть хлеб, что на самом деле, предметом экспорта из нашей страны в древние времена не являлся.

Тогда что же?

Заглянем в недавнее наше прошлое. В 1913 г.:

«Россия поставляет 50% мирового экспорта яиц, 70% мирового экспорта масла» [59] (с. 549).

И при всем при этом на Россию приходится:

«**80% мирового производства льна**» (там же).

Ну, с удивительнейшим нашим нигде более не встречаемым избытком масла и яиц все понятно – 200 из 365 дней в году лишь русский человек эти продукты питания – в рот не берет. И лишь полуиноземная барчуковая прослойка является исключением. Но даже вкупе

с проживающими у нас иноверцами эта группа народонаселения всегда представляла собой своего рода нацменьшинство. Потому и потребление масла и яиц, в течение постов, все равно резко сокращалось. А ведь курам не нестись – не прикажешь, да и коровам не доиться...

Говорят, заграница нас в этом вопросе просветила – маслобойни нам-де устроила. Ведь раньше нам приходилось во время поста молоком с яйцами собак скормливать. Теперь же, ввиду наступившего пресловутого «прогресса», появилась возможность вместо собак запрещенной в эту пору для человека пищей скормливать обучившую нас этой мудреной «хитрости» инородчину. И излишки скоромной пищи, вместо чтоб скормливать ею Шариков и Бобиков, высылаемые теперь Россией для прокорма потерявших человеческое обличие двуногих, – дело обыкновенное. Тут не стоит на нем особо заострять своего драгоценнейшего внимания.

Но вот 80% мирового производства льна! Это выглядит достаточно ощутимо. И это все притом, что немалая доля остальных 20%, судя по однородности климатических условий, должны приходиться на соседние с нами страны: Румынию, Венгрию, Чехословакию и Польшу.

И сейчас об этом напрочь забыто лишь потому, что его, даже у нас, в последнее время, заменил хлопок. Однако же на север Европы хлопок попадает не ранее XII в., когда в качестве сырья его начинают использовать в Голландии.

А до этого времени, в альтернативу шерсти, мог быть противопоставлен лишь лен! Ну, и что понятно, – конопля.

Чему и находим подтверждение в записках о нас иностранцев еще середины 17-го века: «“Конопля и лен производятся в большом количестве, вследствие чего полотно в России очень дешево” (Адам Олеарий. Описание путешествия в Московию)» [183] (с. 74).

А вот что уже мы сами о себе сообщаем. Аристов Н.Я. XIX век:

«...лен и пенька разводились не для своего только домашнего обихода, но служили методом промысла и торговли; равным образом и изделия льняные и конопляные продавали на торгу и сбывали из России за границу» [265] (с. 137).

И вот где возделывание именно этой культуры на Руси являлось всегда наиболее предпочтительным:

«Новгородская, Псковская и особенно Вологодская земли доселе славятся производительностью льна (Журнал мануфакт. и торгов изд. При Минист. Финн. 1865 г. т. V, июль, с. 514)» [265] (с. 178).

Вот чем занимались жители городов мегаполисов Новгородской республики: находясь в самом центре земель, где прекрасно произрастал лен и конопля, они ткали ткань и шили из нее одежду на экспорт. То есть Господин Великий Новгород, в ту далекую пору, являлся «Парижем» древнего мира!

Вот очередное о том свидетельство:

«В половине XIV века Шегаб-еддин заметил в своих живописных путешествиях, что льняные одежды, доставляемые из Земли Русской, были в ходу и в почете в Дели в северной Индии...» [265] (с. 196).

Вот на каком удалении от Новгородчины наш лен пользовался необыкновенным спросом.

Но отнюдь не лен сырец, что на сегодня нам внушено нашими примилейшими историками, столь дружно бичующими самих вроде бы как себя в качестве оглоедов и недоносков, в те времена рассаженных по деревьям и жующих врученный им банан с пальмы. Но произведения самой качественной на тот день в мире работы.

Вот лишь один из примеров, упоминающий о непревзойденнейшем мастерстве наших золотошвеек времен средневековья:

«Сами скандинавские сказания подтверждают, что из Руси привозились дорогие ткани золотые и серебряные, каких в Скандинавии никогда не видывали. (Севернорус. Народопр. II, 178. Gesch. des gans. B. I. C. 381) [265] (с. 202).

Потому и Лондон, и Константинополь пошлины с нашей продукции не брали вовсе: наш льняной товар представлял собою в их шерстяном мире ничем невосполнимый дефицит. Причем качеством своим он превосходил вообще все иные полотна, в том числе и дорогие золотшвейные, что засвидетельствовано в различных уголках мира – от Индии до Скандинавии.

И так было уже с самых древних времен:

«...в руках археологов побывали старинные льняные ткани с возрастом около 5 тыс. лет: в них заворачивали мумии фараонов...» [96] (с. 54).

Так что еще со времен фараонов самой шикарной и дорогостоящей одеждой являлась одежда из льна: ведь в последний путь провожают всегда во всем самом лучшем. И именно потому он в Египте и стоил так дорого, что основным производителем льна была далекая северная страна. И производящийся у нас лен на далеком юге и много позже так все и продолжал являться страшным дефицитом:

«Покрывало Моисеевой скинии, одежды священников и левитов были льняные, из драгоценного виссона. По причине высокой стоимости полотна льняные материи имели люди весьма состоятельные» [96] (с. 69).

«**Виссон** – драгоценная тонкая и мягкая льняная ткань» [32] (с. 78).

И ведь даже силы небесные предпочитают среди прочих иных именно ее:

«...воинства небесные, облеченные в **виссон** белый и чистый» [50] (с. 240).

А вот из какого материала было соткано вообще самое дорогое в ветхозаветные времена полотно – церковная завеса Скинии, закрывающая вход во Святая Святых:

«Сия-то завеса в храме Иерусалимском, когда Господь Спаситель испустил дух на кресте, *раздралась надвое сверху донизу* [Мф 27, 51].

...ткани... были вытканы из тонкой **льняной** материи и покрывали стены Скинии...» [58] (с. 264).

Но и много позднее лен, вне пределов обширнейшей страны древности – Новгородской республики, все так и продолжал оставаться в качестве самого дефицитного товара:

«В начале нашей эры шерстяные ткани были дешевы, а **льняные стоили дорого**...» [96] (с. 69).

Вот теперь и попытаемся проследить путь нашего льна: на запад, на юг и на восток. Прежде всего, о дороге на запад.

Самыми простыми и надежными путями сообщения всегда являлись речные. Ведь плавание в открытом море и теперь является достаточно рискованным, а до Р.Х., когда флот был еще слишком несовершенен, – тем более.

Потому сразу следует обратить внимание на возможность доставки дефицитного на западе льна именно речными путями сообщения.

Смотрим на карту Европы. Сразу бросается в глаза, что большинство интересующих нас рек несет свои воды с востока на запад. Это должно было сильно облегчить доставку груза (правда чуть раньше, как нами уже отмечено, эту функцию прекрасно выполняла река Океан).

А вот обращаем теперь внимание и на оставшиеся с тех давних пор топонимы ганзейских городов, чьи корни несут явно славянские наименования. Прежде всего, бросается в глаза одноименный названию местности обитания фризов (фрягов, варягов) Голландии город в Восточной Пруссии – Фридланд. Мало того:

«...все древние наименования Поморья (Померания) доказывают славянское происхождение...» [20] (с. 10).

Например:

«Славяне на Эльбе в Липецке (Лейпциге)...» [20] (с. 10).

Но ведь и Любек – это однокоренное нашему древнему Любечу. Тому свидетельство и Адама Бременского. В своих «Деяниях архиепископов Гамбургской церкви» он упоминает город:

«...склавоу под названием Любек» [253] (с. 81).

Но и восточногерманский Росток является однокоренным нашему Ростову. Причем, оба эти славянских города, по свидетельству все того же Адама Бременского (XI в.), входят в соприкосновение с морем через:

«...склаванский залив...» [253] (с. 84).

То есть и сам морской залив средневековый автор называет нашим. Но и далее земли простираются вдоль побережья исключительно славянские:

«...вплоть до реки Одера обитают вильцы и лютичи. За Одером же, насколько нам известно, обитают помераны...»

Итак, побережья этого моря с юга занимают склавы, а с севера сведы» [253] (с. 89).

А путь в эту западную страну славян, где Любек вовсе не западная ее оконечность, но лишь морской порт, контролирующий речные пути дальше на запад, из бассейна озера Мойска (Ильмень) начинается речка Ловать. Затем волок позволяет перебраться в Западную Двину, Швянтойи, Неман, чьи притоки сближают русские ладьи с притоками речки Прогаля. Далее, на запад, путь лежит через речку Алле, где, собственно, и располагается подсказавший нам этот путь варяжский город славян – Фридланд. Эта речка позволяет затем последовательно переправить ладьи в акватории: Нарева, Буга, Вислы, Нотеца, Варты, Одера, Шпрее, Эльбы, Аллера, Везера, Эдера и Рейна.

А ведь практически все речки, которые на этом пути приходилось преодолевать против течения: Ловать, Алле и небольшой участок Одера – помогал проходить частый в этих широтах гость – северный ветер. Лишь совершенно незначительный участок Эдера приходилось преодолевать на веслах или при помощи конной тяги. Потому эта речная торговая артерия, несмотря на кажущуюся свою сложность и громоздкость, была очень удобна.

Вот именно таким путем груз тканей из русского льна, столь дефицитного на Западе, доставлялся во Фризландию – страну галлов Лии (*Гал-ландию*), чьи жители еще по тем временам являлись для нас не только единокровными, но и единоверными. То есть являлись такими же, как и мы, русскими людьми. На этом же пути, при использовании течения рек, тяжело груженные суда могли отклоняться и на север, тем обеспечивая льном города поморья (Померании): Киль, Любек, Росток, Щецин и остров Рюген (Руян=Буян). И вот кто здесь в ту пору жил.

Татищев:

«При море Балтийском к южному берегу живут славянские народы: во-первых, к востоку руты, или рутены (Руты, рутены, остерунги и другие тому подобные имена России...)» [113] (Гл. 17).

После вторжения сюда представителей некогда проживающих на склонах Ермона Израилевых колен, вкупе с их многочисленными слугами, чья кровь, принадлежащая к Иафету, просто забила теперь кровь своих в далеком прошлом господ, местные славянские названия были перекроены в стиле разговорной речи завоевателей:

«Знаменитое святилище Ретра, или Р а д о г о щ ь , с его именем, произведенным от личного славянского имени Р а д о г о с т , принадлежавшее западославянскому племени бедричан, после завоевания этих земель немцами было переименовано ими и получило ничего ни по-славянски, ни по-немецки не означающее название Р и д е г а с т (возле нынешнего Гамбурга). Отзвук имени Д у б о в и к , возможно, сохранился в названии Добин, в Шверине, а самое это название Ш в е р и н когда-то звучало как славянское З в е р и н . Тот же Б р у н з о в и к ... в устах немцев-завоевателей превратился в Б р а у н ш в е й г . Земли Северной Германии полны переделанными до неузнаваемости древнеславянскими именами мест...»

Из древнего П о м о р ь я немцы сделали свое П о м м е р н – П о м е р а н и я ... Славянский С т а р г о р о д они превратили в Ш т а р г а р д .

Да и в более южных германских провинциях таких онемеченных славянских имен пруд пруди. Вот Д р е з д е н – западнославянское Д р а ж д я н е , означавшее то же, что у восточных славян “древляне” – “лесные люди”. Вот Л е й п ц и г , по-славянски называвшийся Л и п е ц к ... Германские завоеватели чаще всего не выдумывали для городка или поселка совсем иного имени; они до неузнаваемости переименовывали славянское имя, обезсмысливая его, но зато делая похожим на непонятное н е м е ц к о е слово.

Это происходило всюду, где власть оказывалась в руках немцев. В отличие от бодричан, от лужан, от полабских сербов, чехи сумели сохранить свою культуру, остались живой и могучей, хотя и малочисленной нацией. Но и у них долгое время селения и города именовались онемеченными именами; **чешские названия запрещалось употреблять вслух и официально.**

К а р л о в ы В а р ы (“вары” – по-чешски – “горячие источники”) были известны всему миру как К а р л с б а д (“Карлова купальня”)...» [115] (с. 100–101).

И т.д.!!!

Это же касается: Моравии и Словакии, Польши и Западной Украины, Хорватии и Боснии.

«...смятение охватило ученых Запада, когда после Первой мировой войны внезапно на востоке Европы началась целая буря переименований. Город, известный до того как Л е м б е р г , превратился во Л ь в о в ; из австрийского А г р а м а возник югославский З а г р е б ; чешское Б р н о сменило онемеченный Б р ю н н ; на месте надписей Т о р н и П о з е н появились польские Т о р у н ь и П о з н а н ь » [115] (с. 102).

А ведь мы об этом отуречивании братьев славян узнаем только сейчас. Ведь нам самим никогда и в голову бы не пришло менять названия городов части Польши, доставшейся нам при разделе! Мало того: засилье немецкого языка в отобранной нами у немцев обратно Прибалтике было официально отменено лишь спустя полторы сотни лет после прекращения их безраздельного хозяйничанья в этом крае! Так ведь даже своих братьев из Западнорусских земель от все продолжающегося польского засилья избавили лишь наши последние истинно Православные Цари! А до этого «завоеванные» нами поляки так все еще и продолжали хозяйничать в Белой Руси, где польский язык считался общепризнанным даже наравне с языком польских панов завоевателями – с русским. Чего мы навязали татарам, и по сию пору исповедующим ислам? Но ведь мы еще имели в своих владениях Финляндию! Что мы этим своим «владычеством» «навязали» еще и им?

Да только то, что позволило этой населенной чухонцами некогда совершенно нищей «стране рек и болот», как сами они себя именуют, превратиться в богатую и культурно развитую страну. Вот каковы итоги теперь уже нашей этой пресловутой «оккупации».

Чухонцы Прибалтики пожинают сегодня точно такие же плоды, теперь в открытую издеваясь над русским населением, доставшемся им при разделе живого тела России.

А что мы видим в землях славян не только за тысячу лет онемеченных, но там, где немец еще совсем недавно обосновался?!

«...**чешские названия запрещалось употреблять вслух и официально**» [115] (с. 101).

Такая вот разница между порядками: нашим и немецким.

Но как случился этот странный захват нами столь скрупулезно рассматриваемых славянских древних путей сообщения? Ведь никакой слишком заметной видимости некогда бушевавшей здесь войны он так и не оставил.

Это произошло, судя по всему, постепенно – ведь немцы проживали тут же – по соседству. Потому эта внутренняя война так и осталась за кадром истории, оставив нам в наследство лишь названия городов некогда проходящих здесь торговых путей межславянского сооб-

щения и онемеченное местное население, ни слова теперь не понимающее на своем родном языке и уже давно забывшее свое прошлое. Оно теперь приучено жить по-варварски – то есть по-германски: палачи Бухенвальда и Освенцима, между прочим, имеют в своих жилах, кроме германской, также некоторую долю и славянской крови. То есть немцы за тысячу лет сделали их себе подобными людоедами. И такое ожидало славянское население аннексированных ими: Боснии и Герцеговины, Моравии и Словении, Словакии и Хорватии, части Польши и части Сербии, Чехии и русских земель, после Батыева погрома Руси на достаточно продолжительное время «приватизированных» нашими западными соседями. То же со временем должно было произойти и в оккупированных представителями горы Ермон, ерманцами, неславянских странах: Венгрии, Латвии, Литве, Эстонии, части Румынии, Финляндии. Из всех вышеперечисленных народностей планировалось выковать особую нацию, для которой Освенцим и Дахау является нормой, а абажуры из татуированной человеческой кожи – составным показателем необыкновенной идентичности их культуры культуре карибских канныбалов. Но вот не успел их желудок переварить ранее заглоченное, оттого и конфуз после Первой мировой случился. Но им потребовалось реванша. Оттого случился и следующий конфуз – вновь немец, вместо чаимого наращивания своих территорий, презрительно получает по зубам, отдавая обратно следующие исконно славянские территории, некогда им вероломно изъятые в свою пользу.

Но как же им все-таки удалось «переварить» съеденное еще тысячелетие назад? А, главное, как это могло случиться столь незаметно, что даже история этот достаточно ощутимый момент как-то все же прозевала?

Славяне здесь, судя по всему, жили преимущественно в городах, являясь посредниками при торговых операциях между местным сельскохозяйственным населением провинций и регулярно навещающим сюда новгородским купечеством.

Заполнив свои трюмы зерном, выращиваемым проживающим здесь неким чисто сельскохозяйственным народом – ариями, то есть земледельцами, наши корабли теперь следовали в обратном направлении, обеспечивая продукцией чисто сельскохозяйственной административной единицы – Европы Западной, именуемой теперь с большим апломбом *арийской*, чисто промышленных районов Европы Восточной: России.

И в самом начале этого выглядящего теперь столь странно соседства ягненка с волком никаких территориальных проблем возникнуть и не могло. Ведь лишь нам требовались поселения исключительно у воды. Немцам же вода была вовсе ни к чему. Это подмечено еще с глубокой древности:

«...Геродот при них другой народ ораторы или **оратели** положил и точно рассказывает, что пашнею питаются» [113] (Гл. 12).

Потому *ариями* они себя и называли. И сеяли они хлеб каким-то странным полукочевническим способом: летом выезжали в поля, а осенью эвакуировались в зимние становища. И при всем при этом, что и понятно, ни о каком ими использовании в степи воды не было и речи.

Но ведь даже и искусству возделывания земли этих весьма примитивных людей обучили опять же мы:

«...многие Германские племена учились у Венедов земледелию; до сих пор еще в иных местностях средней и южной Германии глубокие и узкие борозды называются Венедскими. От своих же соседей Славян переняли Немцы и плуг» [54] (с. 7).

То есть даже в вопросе земледелия, единственного из их мирных занятий, хваленые историками арии оказались специалистами не слишком-то и великими.

Однако ж и в железорудодобывающей промышленности, где себя они обычно и выставляют в роли законодателей, эти братья по разуму всяческой шушере чухонской никогда не то что в передовиках не числились, но всегда сидели лишь на задворках, в то время благополучно занимаясь делом куда как более для них естественным – глотанием бивней мамонтов. Чему имеются просто неоспоримые свидетельства:

«В саксонском горном календаре на 1783 год сказано, что славяне первые начали обрабатывать там руду и им принадлежали все горные разработки. Даже технические горные названия сохранились там по сие время вендо-славянские» [216] (с. 61).

Класен приводит длинный перечень не германских слов в составляющей всю гордость германцев отрасли. Из чего более чем распрекрасно видно, что :

«...венды занимались прежде германцев горной разработкой» (там же).

Так что и вылили германцам заимствованный ими у нас плуг – тоже мы.

И вот, войдя в устье Невы, а затем Волхова, корабли новгородцев доставляли в наши студеные края столь всегда тяжело нам достаемый хлеб – тот ценнейший продукт питания, который на Западе имеет урожайность в 4 раза выше. Вот потому именно он и шел в обмен на лен, который мы могли нашим братьям, фризам, ввиду очень легкой доставки его в огромных количествах вниз по течению рек, поставлять даже в виде сырья. Потому, со временем, в конечном пункте его нами поставки, в Голландии, и возникает крупнейший центр по его переработке.

Второй вариант конечного назначения наших грузов проходил через Мезель и Марну, после чего лен попадал в город Париж.

Затем оставшийся лен доставлялся через Ла-Манш и Па-де-Кале в Лондон, чему помощь оказывал Гольфстрим. Затем он же уносил наши ладьи и в Шотландию.

Затем Гольфстрим помогал отправить наши ладьи, груженные теперь уже южной продукцией Запада, то есть продовольствием, в Колу – ведь не только Центральная Россия столь всегда нуждалась в хлебе, но и ее Север.

И за счет этой обоюдовыгодной торговли мы и обеспечивали русским льном русский же еще в ту далекую пору Запад.

Но наиболее безопасным все же является речной путь. Потому он и был всегда наиболее предпочтителен. Здесь следует учесть, что все тот же северо-западный ветер являлся прекрасным подспорьем при прохождении ведущих на восток рек теперь уже в сторону противоположную их течению. Этот путь обеспечивал дешевым хлебом наши западнорусские земли, а через Смоленск направлял сельскохозяйственную продукцию ариев, как мы выяснили людей чисто сельскохозяйственных (орать – по-нашему: пахать), уже теперь в Рязань, Суздаль и Ростов.

Исключительно по этой причине, впоследствии, именно данная местность, столь удобная для товарообмена, в самую первую очередь и подверглась германской экспансии, обрубив наши торговые межславянские сообщения крепостями Кенигсберг, Данциг, Штеттин, Мемель, Рига, Тарту и Ревель. Берлин встал в центре этого пути речного сообщения, бывшего ранее славянским, где самые удобные волоки сегодня обозначили своим присутствием крупные немецкие города Франкфурт и Магдебург.

Но что же затем произошло? Почему на сегодняшний день в этой местности уже давно не слышно русского СЛОВА?

Начало агрессии пришлых германцев на славянские земли в этом районе имеет очень глубокие корни. Еще в X в.:

«На В[остоке] главным объектом захватов были земли полабских славян. Были подчинены племенные союзы бодричей, лютичей и сербо-лужичан. Однако в результате восстаний 983 и 1002 лютичи и бодричи освободились от власти захватчиков...

...В 12 в. вновь большое значение приобретает колонизация земель на востоке. Под видом “крестовых походов” против язычников нем. князья захватывали земли славян... Эти земли заселялись нем. колонистами, а местное население истреблялось или онемечивалось» [108] (Т. 2, с. 527).

«Упадку славянских прибалтийских городов в то же время способствовало проникновение германцев и колонизация ими этого района, чему в немалой степени содействовали могущественные феодальные рыцарские ордена, а также Ганза» [45] (с. 40).

Объявившиеся же здесь арии, то есть немцы, представляли собой симбиоз переселившихся сюда из степных кочевий Израилевых колен Дана и крещеных в латинство колен Гада. Даны выживают ютов, колено Левии, из Ютландии, а гады, преобразившиеся после крещения в готов, – варягов с Готланда и нашего торгового пути через Швецию. Действенную помощь этому онемечиванию славян оказывает католическая церковь. Ту же экспансию несут и даны, так же в числе первых подвергшиеся латинизации.

Однако ж тут закрадывается и вполне обоснованное впоследствии случившемуся предположение:

Даны являются народом, положившим основу латиноязычной культуры Европы. Ведь именно их возвращение из дальних странствий совпадает с появлением латинов на Апеннингах. И, самое здесь важное, с распространяемой ими огнем и мечом столь странной религией полностью совпадает как их вынесенный с горы Ермона и Галаада монголоидный язык (туземным населением Галаада, левобережья реки Иордан, где некогда базировалось это Колено, являлись монголоидные аморреи), так и их примитивистская человеконенавистническая драконовская культура – поклонение Ваал-Перуну. Причем происходить все эти истории, связанные с Древним Римом, должны были не на самом Апеннинском полуострове, а в Северо-Восточной Африке – в государстве, и по сей день расположенном в среднем и верхнем течении Нила. Его название полностью совпадает с выгребаемой нами из тьмы веков историей: *Судан* (су [ст.сл. – государство] Дан).

Так что в этой области есть еще над чем поразмыслить. Но самым главным здесь является то, что именно это Израилево колено и стоит в авангарде столь упорно и по сию пору продвигающейся по континенту евреев, Европе, той самой ереси жидовствующих, которая постоянно пытается уничтожить наш народ. Причем как извне, с помощью иноземных нашествий, так и изнутри, извратив и переиначив основы нашего святоотеческого вероисповедания. Латинство, первоначально забравшись на Готланд и в Ютландию, затем продолжало свое наступление в сторону Скандинавии, Галлии, Британских островов, Фризландии и Восточной Европы. И экспансия эта не носила узко экономического характера, но имела своей конечной целью окатоличивание проживающих на всем протяжении этого торгового пути венедов, ютов, галлов и фризов, а уж только затем включения их городов в состав немецкой торговой компании – Ганзы.

Однако ж германская экспансия постоянно встречала от славян Запада серьезное противодействие, все еще не до конца забытое и теперь.

И на сегодняшний день выглядящее слишком ослабленным звучание отголосков той серьезной борьбы очень просто объясняется тем, что в конечном итоге победителями той неведомой нам войны оказались все же немцы. Вот потому о противодействии им славян германцы теперь в своих «историях» упоминают как о противодействии их торгово-промышленной Ганзе неких морских разбойников, которых они называли витальерами:

«Одной из самых могущественных среди... пиратских сообществ была организация витальеров, которые присвоили своему разбойничьему братству громкое название “друзья бога и враги мира”. Зачатки организации витальеров скрыты во мраке веков...» [45] (с. 42).

Скорее уж не века мраку этого напустили, но немецкие историки, изобретшие на этот счет свою историю.

Однако ж все равно осталось известным, что составляющими эти вооруженные формирования народами, базирующимися на Готланде, являлись славяне из:

«...ганзейских, главным образом вендских, городов [вендские города (от слова “венды” – немецкого названия западных славян) – города западных славян], из всех частей Германии, голландцев, фризов [фризы – жители Фризии (Фрисландии)], датчан, шведов, лифляндцев

[племенами ливов, издавна связанных со славянами], кашубов [кашубы – западнославянская народность, обитающая в Поморье], поморян, французов и, вероятно, также поляков» [45] (с. 43).

Ну, казалось бы, – вся Европа собралась на Готланде, чтобы безнаказанно грабить эдакую безответную беззащитную бедолажечку – немецкую Ганзу.

Однако ж собрались на этом острове, во-первых, исключительно славяне, а во-вторых, не для грабежей купцов богатых провинций Германии, но для организации отпора ни на миг не прекращающейся католической агрессии Рима.

Ведь здесь перечислены: 1/ славянские города Ганзы; 2/ славянские города и действительно находящиеся по всему протяжению речных путей Германии; 3/ жители Голландии – страны Лиинных галлов – фризы; 4/ Фрисландии – только что нами рассмотренной местности с ганзейским городом Фридланд; 5/ упоминание датчан и шведов является ошибкой – ведь именно эти народы были некогда ошибочно поименованы *варягами*, что подтверждается отсутствием в этом списке «разбойников» столь всем привычного имени *норманнов*; 6/ племена «ливов, издавна связанных со славянами» следует смело отнести к принявшей от нас Православие прибалтийской народности; 7/ кашубы названы славянами, обитающими в Поморье; 8/ поморы – крещенные местными славянами в Православие туземные инородцы; французы – славяноязычные православные жители окрестностей Реймса – ведь именно там некогда хранилось Евангелие, исполненное нашими древними рунами, которое по-славянски прочел находящийся там проездом царь Петр; 9/ поляки – они именуют себя сарацинами, к тому же являются католиками, а потому эта догадка обозначена лишь тем, что автором книги является поляк, и ему очень хотелось бы видеть в этом на первый взгляд совершенно непонятном сообществе и своих земляков.

Так что, очень похоже, именно последней попыткой западных славян уйти от насильственного окатоличивания и была эта столь странная на долгие годы затянувшаяся морская война с Ганзой. Руководил же ей венед из славянского города Росток.

Подтверждается же догадка о том, что эта война носила чисто религиозный характер, еще и тем, что именно крестоносцы вытеснили вышеописанное морское славянское сообщество с Готланда:

«...королева Маргарита обратилась с просьбой о помощи к гроссмейстеру ордена крестоносцев – Конраду фон Юнгингену» [45] (с. 47).

Так что и здесь не обошлось без вмешательства католических орденов, что подтверждает и духовную поддержку всей этой агрессии. Вот, в подтверждение, к чему она привела:

«В 1751 г. в Люнебурге в последний раз было совершено богослужение на славянском языке» [232] (с. 193).

То есть полностью Православие в бывших западных славянских землях было вытеснено латиноязычным католичеством лишь к середине XVIII века.

И вот чем сопровождалась эта агрессивная политика Ватикана:

«Наступление германцев на славян сопровождалось неслыханными жестокостями. Все на пути завоевателя предавалось им огню и мечу. *Ferro et igni vastavit* (Опустошил огнем и мечом) – обычная фраза в источниках, характеризующая наступление германцев... Огромные густонаселенные пространства обращались германцами в пустыню. Так, например, один из источников (Гельмольд) сообщает под 1164 г.: “Итак, вся земля бодричей и соседние области... целиком были превращены в пустыню... Если от славян и остались какие-либо остатки, то они были так изнурены голодом, что вынуждены были толпами бежать к поморянам или датчанам”» [232] (с. 190).

Из Поморья же, что прекрасно известно, многие, в целях безопасности, впоследствии переселились на Русь: победить объединенного католичеством многочисленного врага разрозненным славянским городам, пусть где-то и многолюдным и вполне способным за себя посто-

ять, возможности не предоставлялось. Не все западные славяне тех времен, к сожалению, были объединены Православием. Католическая же германская агрессия была поддержана несметными полчищами до зубов вооруженных солдат католических орденов:

«На помощь немецкому мечу явился римский крест, и в середине XII в. папой римским был организован крестовый поход против славян, в котором приняла участие 100-тысячная армия» [232] (с. 189).

Так что силы были слишком не равны. Потому обасурманивание северогерманских славян все же состоялось: огнем и мечом объединенными усилиями Запада было положено начало онемечивания, продолжавшегося затем достаточно длительный период и полностью завершившегося уже совсем недавно – в XX веке.

«На западе, в районах Эльбы и Сады, населенных племенами сербов, поблизости к исконной границе германцев, процесс денационализации или германизации славянского населения шел быстрее, на востоке – медленнее...» [232] (с. 192).

Вот почему нынешнее воссоединение Германии протекает столь непредсказуемо болезненно. Восточные немцы, своей кровью принадлежа к славянам и пожив под их пусть и чисто номинальной властью, но все же не так и мало – с полвека, тем и впитав, пусть и частично, их менталитет, ну никак не могут найти ничего общего с немцами западными. То есть пусть и с такими же как и сами полуславянами, но чье онемечивание завершилось много ранее. И, возможно, завершилось навсегда: они теперь всецело принадлежат к расе этих западных басурман, некогда имеющей много отличные от наших привычки и обычаи (пошив, например, плащиков из кожи голов своих врагов).

Однако же и не только восточные немцы столь оказались далеки своим менталитетом от отрезанных Берлинской стеной их завоевателей. Ведь еще до прихода Гитлера к власти, что выясняется, на востоке Германии проживало 150 тысяч сербов-лужицан – славянского народа:

«...имевшего еще до 1933 г. и свои школы на родном языке, свои газеты и журналы, свою литературу и целый ряд своих культурно-просветительских учреждений...» (там же).

Так что короткий момент уже этого славянского народа германизации, лишь в 12 лет не оставившей от его культуры и следа, – страшное подтверждение всех тех ужасов, которыми сопровождали немцы свою звериную националистическую политику на протяжении того времени, когда явились на территорию Европы из своих азиатских и африканских странствий.

Но германцы варвары сухопутные. А потому с их завоеваниями и перестал существовать древний наш путь «из варяг в греки». И победившие при помощи военной поддержки католических орденов варвары, уничтожив наш древний товарообмен, своего собственного на его месте создать не сумели, используя теперь лишь частично обрубленные границами некогда весьма оживленные его части.

Мало того, наше умение при товарообмене обходиться без закованных в трюмах рабов, выполняющих функции гребцов, так ими и осталось не распознано. Ведь мы использовали естественные условия природы: в определенное время года преобладающие ветра, течение рек и морские течения.

А для определения способа транспортировки наших судов через так называемые *волоки* рассмотрим действия русской дружины при взятии Константинополя:

«...Олег велел вытащить корабли на сушу, поставить их на колеса, поднять паруса и при попутном ветре по полю подошел к городу» [1] (с. 64).

И если этих кораблей было 10 тысяч, как в предыдущую попытку взятия Константинополя, то откуда взять столько колес?

А это и значит, что наши суда имели приспособления, которые позволяли морское судно легко передвигать и по суше. И даже без помощи впряженных лошадей – с помощью паруса при попутном ветре (Однако же, на волоках, думается, проблем с лошадьми не было – ведь эти дороги нами были накатаны еще с незапамятных времен).

Вот один из вариантов подобного рода транспортировки на достаточно немалое расстояние – из Переяславля Рязанского до акватории реки Дон.

«С нами везли три струга и насад на колесах. В четверг подошли к реке Дону и спустили суда на реку и, водрузившись на них, поехали» [] (с. 288).

Но где можно увидеть это удивительнейшее приспособление древности, существо основы которого так до сих пор никому и не удалось разгадать?

Это приспособление мы постоянно видим на старинных гравюрах, где борта судна всегда обвешаны какими-то щитами. Но это, судя по всему, не совсем обыкновенные щиты, но щиты-колеса, которые, в случае необходимости передвижения по земле, легко переставлялись на имеющиеся в корпусе наших кораблей приспособления. То есть готовые для передвижения по земле оси, на которые, в случае нужды, и устанавливались эти украшавшие борта щиты.

Эти же развешанные по бортам многочисленные колеса-щиты, судя по всему, были приспособлены не только для передвижения по земле, но и для защиты в случае нападения разбойников. Ведь так называемый «монгольский щит» имеет конфигурацию обыкновенного колеса, лишь обтянутого кожей. И эта их двойная предназначенность выглядит наиболее предпочтительно – ведь в походных условиях – лишняя иголка бывает обузой. Но имеется и третье этих удивительных «морских колес» предназначение – спасательный круг. О переправе через реки на таких щитах огромных воинских соединений, между прочим, очень часто сообщают и древние писатели. Так что ничего особенного в данном предназначении этих щитов-колес нет.

Так что русский человек уже в те отдаленные от нас эпохи имел просто гениальнейшие приспособления для передвижения по рекам, озерам и морям. Но, что самое важное, имел все эти и иные лишь ему знакомые гениальнейшие приспособления древности, лишь он один. А потому:

«... в первые века истории мы не находим на Руси ни западноевропейских денег, ни товаров, ни, наконец, упоминаний о скандинавских купцах. Нет ни единого отчета хотя бы одного скандинавского купца на Черное или Каспийское море. Торговлю с заграницей северная Русь осуществляла сама в Дании, Ганзейских городах, Готланде и т.д.» [140] (с. 68).

Но вот как в руки немцев наш участок пути попал, так сразу и оборвался этот обоюдovýгодный торговый обмен с Западом.

Для них – навсегда. Нам же пришлось вынести торговлю через северные свои порты: Онегу, Кандалакшу и Колу. И лишь теперь появилась возможность догадаться о существовании тех давних наших внутригосударственных речных дорогах. А поняв, куда эти дороги некогда могли вести, мы и сумели определить механику тех древних путей сообщений между славянами.

Но и окатоличенные славяне Балтийского Поморья, объединенные Ганзой, весь период средневековья все еще продолжали иметь административное деление чисто по национальному принципу:

«Во второй половине XV века сформировались четыре части Ганзы, так называемые четверти, а именно: **венедская** во главе с Любеком, в состав которой входили приморские города от Бремена до Грифии [Грифия – древний город на реке Рее, на территории нынешнего Штецинского воеводства в Польше]...» [45] (с. 42).

Между тем именно эти земли обозначены на карте, «Территориальное расширение Пруссии в 1600–1866г.», как:

«Территории... германских государств, вошедших в состав Северо-германского союза в 1867 г.» [108] (Т. 6, вклейка к с. 496).

А до этого срока именно к землям Ольденбурга принадлежал вышеупомянутый славяно-венедский город Бремен. И именно к Макленбургу относился некогда возглавлявший торговые города *венедов* – Любек. И вот что это были за «германские» государства:

«В отличие от Новгорода настоящий русский Старгород находился в районе теперешних западногерманских земель Ольденбург и Мекленбург и примыкающего к ним балтийского острова Рюген. Именно там и находилась Западная Русь, или Рутения» [238] (с. 2–3).

Так что путь нашей древней торговли прослеживается достаточно четко. Да и названия всех вышеперечисленных городов имеют чисто славянские корни: Любек – *любо*; Бремен – *бремя*; Росток – *рост* (или так и произносится: *росток*).

«...Бранденбург (Бранибор)...» [148] (с. 36).

Мало того:

«Когда-то в Германии существовала в т о р а я Москва (сообщение об этом было сделано еще в 1958 г. на международном конгрессе славистов)» [10] (с. 103).

А ведь древний ганзейско-венедский город Грифия, на реке Реге, находился в той же местности, где обозначил нам несомненное присутствие торгового пути варяжский город Фридланд. Так что вновь все сходится до самых последних мелочей, еще в очередной раз указывая на наше древнее здесь торговое сообщение исключительно между славянскими городами.

И поразительнейшая для тех времен огромность наших городов Новгородской республики является всему вышесказанному наипредельнейшим подтверждением. Ведь чтобы покупать на такое великое количество жителей хлеб, надо что-то и продавать. И продавать продукцию исключительно своего ремесла – иначе кормить тебя, просто так, никто не станет. И если в качестве ткачей использовался в основном труд все-таки женский, то основным поприщем мужчин, судя по не встречаемой нигде более в мире столь поражающей всеобщей грамотности местного населения, известной нам по оставшимся во множестве берестяным грамотам, вполне могло быть *книгописание*. А труд этот ценился очень высоко – ведь готовая книга стоила целое состояние. Так что не только одевали, но и обучали Древний мир – именно мы!

Но и само купечество в населении Пскова, Русы и Новгорода составляло очень не малый процент. Ведь плоды своего труда новгородцы на Запад везли исключительно сами, начиная путь «из варяг в греки» со своего рынка – лишь в таком случае они могли приобрести товар по самой дешевой цене, тем и поставив в заведомо невыгодное положение своих западных конкурентов – *варягов*.

От какого корня происходит это странное название?

«**Варяги**... В русских летописях мы находим слово варяг... варязи... некоторые варяги называются Русью...» [32] (с. 914).

Арабский путешественник Димешкий (предположительно XII в.):

«Варяги же есть непонятно говорящий народ... Они суть славяне славян» [301] (с. 547).

А вот каковы корни этого на первый взгляд столь странного термина:

«**Варяти** = ...встречать...» [32] (с. 67).

А ведь именно встречными караванами для нашего купечества всегда и являлись суда единокордных нам варягов. Причем никаких не воинов-наймитов, что сегодня изобретено историками, но самых обыкновенных купцов:

«В областном русском лексиконе *варяг* – разнощик, мелочный торговец, *варяжить* – заниматься мелочным торгом» [181] (с. 147).

И вот каким образом эти по нашим понятиям *встречные мелочные торговцы* пересекались с нашими торговыми караванами. Мы везли к ним зимою задешево скупленный лен (или пряжу, или полотно, или уже сшитые из него изделия), а они, навстречу нам, в то же самое время, везли зерно, скупленное зимой, тоже задешево, у некоей культуртрегерской прослойки народонаселения своих стран, гордо прозываемой ими теперь – *арийской*. Городов, правда, у этих гордых задним числом арийцев, никогда и в помине не было, что установлено.

«Тацит в 60 г. по Р.Х. говорит, что германцы не знают еще городов: славяне же строят деревянные прочные дома и укрепленные города для обороны от неприятелей» [312] (с. 22).

А, значит, проживали они в неких резервациях, называемых очень изысканно – *сельпо*: сельские поселения. Оттуда же, впоследствии, это перемешанное с аморреями и угаритами население сельских поселений и подняло свою очередную красную революцию (аморреи и угариты – подвластное белому населению Израиля монголоидное население Палестины. См.: [198]). Вот эти восставшие народы землепашцев, со временем забравшись в города своих соседей и благополучно производя выживание их оттуда, сначала потеснив ютов из Ютландии, а затем разнеся свой красный стяг и по всем иным городам и весям Запада, занесли наименование своего колена даже в Англию: Лондо(а)н – *лоно Дана*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.